

В. Ф. Рогожина, Подлежащее в мокшанском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 2003. 177 с.

31 октября 2003 г. на заседании диссертационного совета Д 212.117.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Валентины Федоровны Рогожиной на тему «Подлежащее в мокшанском языке».

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора О. Е. Полякова на кафедре мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент Н. А. Щанкина (Саранск). Ведущее учреждение — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева.

Синтаксический строй финно-угорских языков в их сравнении и типологическом сопоставлении до сих пор остается не изученным. Сравнительно-сопоставительный анализ предикативной связи между словами и семантико-функционального содержания главных (первостепенных) членов предложения, реконструкция синтаксической системы на уровне праязыка, описание содержательной стороны предикативных членов в плане лингвистической темпораль-

ности остаются актуальными вопросами, несмотря на попытки обобщения многообразного фактического материала, предпринимавшиеся как компаративистами, так и типологами и ареаловедами.

Установить постоянную семантику подлежащего трудно из-за его неодинакового поведения в разнотипных предложениях. Так, в отдельно взятом нераспространенном предложении подлежащее в семантическом отношении является предметом сообщения. В распространенном же двусоставном предложении оно не всегда выражает предмет сообщения, а стало быть и тему сообщения, с некоторыми оговорками — даже субъект суждения. Именно этим обстоятельством обусловлено определение постоянной семантики подлежащего по отношению не к предложению в целом, а лишь к сказуемому.

В грамматической структуре мордовских языков подлежащее по сей день оставалось одной из слабо изученных категорий. Отсутствие полного описания главного члена мокшанского и эрзянского предложений — подлежащего и его структуры, негативно сказывается на состоянии самой теории сравнительно-исторического языкознания. Именно скудость материала такого рода сдерживает составление сравнительной грамматики мордовских языков. Более того, синтаксис волжских финно-

угорских языков до последнего времени хронически отстающая область.

Поэтому тема работы В. Ф. Рогожиной весьма актуальна и обращение к ней своевременен не только для решения научно-практических задач мордовского языкознания, но и в интересах разработки общетеоретических проблем сравнительно-исторической грамматики финно-угорских языков.

Структура работы В. Ф. Рогожиной (177 с. компьютерного текста) отличается логичностью и стройностью. Она состоит из предисловия (с. 4—7), введения (с. 8—12), основной части, включающей две главы (с. 13—147), заключения (с. 148—162).

Список использованной литературы делится на две части: а) монографии, статьи, словари; б) произведения художественной литературы. Первая часть с учетом сокращений, принятых в языкознании, содержит 129 наименований (с. 163—174). Кроме того, отдельной рубрикой указаны 6 разнотипных словарей (с. 174). Вторая часть состоит из 38 наименований (с. 174—177). Объектом анализа послужили также произведения, опубликованные в журналах «Ваймонь лихтибрат», «Колхозонь эряф», «Мокша» (с. 177).

Композиция работы подчинена поставленной цели — описать подлежащее в мокшанском языке. В центре внимания автора — выявление сущности подлежащего, определение роли и его структурных типов в предложениях, анализ средств выражения подлежащего в мокшанском языке (с. 4).

В основе методического инструментария исследования лежит описательный метод, оперирующий наблюдениями над фактами современного мокшанского языка. При описании и объяснении языковых явлений использовался также сопоставительный метод (где это казалось уместным). Его приемы, позволяющие проецировать исследуемый материал на иную языковую почву, особенно эффективны применительно к родственным языкам, в частности мокшанскому и эрзянскому, контрастные черты которых проступают наиболее ярко на фоне сходных черт.

Теоретической и методологической основой работы стали труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные общим и частным вопросам синтаксиса языков разных семей.

В предисловии (с. 4—7) даются обоснование темы и общая характеристика работы; раскрывается ее новизна, практическая и теоретическая значимость; указываются основные методы и источники исследования; отмечается апробация основных положений и результатов.

Во введении (с. 8—12) освещается историография подлежащего в мордовском языкознании. Отмечая негативные стороны имеющихся работ, В. Ф. Рогожина ни в коем случае не забывает и об их позитивной стороне. Поэтому нельзя целиком согласиться с ее выводом о том, что «вопросы, связанные с подлежащим, в мокшанском языкознании не получили достаточного освещения» (с. 12).

Первая глава «Подлежащее — один из главных членов предложения» (с. 13—56) состоит из 10 рубрик и подрубрик, выделенных на основе индексационного принципа нумерации. Она вводит в круг вопросов, связанных с членением предложения, описанием взаимоотношений субъекта и подлежащего, координацией форм подлежащего и сказуемого, анализом структурных типов подлежащего на основе моделирования его компонентов.

Анализируя учения о членении предложения, В. Ф. Рогожина не ставит перед собой задачу создать какое-то новое направление. В этом нет необходимости, поскольку усилиями и трудами нескольких поколений лингвистов отработаны различные подходы к анализу членения предложения. Так, на основе применения в грамматике принципов логического членения предложения (субъект, предикат, объект и атрибут) сформировалось учение о логико-грамматическом членении предложения (главные члены: подлежащее и сказуемое; второстепенные члены: дополнение, определение и обстоятельство; сопутствующие члены: вводные слова и обращения). Однако учение о логико-грамматических членах предложения подверглось рез-

кой критике со стороны некоторых советских лингвистов. Учитывая, видимо, это, в грамматике русского языка (Грамматика русского языка, т. 2. Синтаксис, ч. 1, Москва 1960; Русская грамматика, т. 2. Синтаксис, Москва 1982) противоречия решаются на иной основе — на основе учения о распространении простого предложения. К распространяющим членам относят и традиционные второстепенные члены, и отсутствующие, и однородные (кроме однородных сказуемых).

По поводу членения предложения автор придерживается структурно-семантического направления (с. 15), дополняя его механизм отдельными деталями и демонстрируя соотношение членов предложения и частей речи на мокшанском языковом материале (с. 15—56).

В. Ф. Рогожина не без оснований подчеркивает, что в мокшанском языке существует три вида подлежащего: номинативное, аблативное и инфинитивное. Заслуживает внимания определение мокшанского подлежащего: «Подлежащее — это независимый главный член предложения, который обозначает лицо, всякий одушевленный и неодушевленный предмет, явление или понятие, выступающее в качестве носителя признака, названного сказуемым, и отвечает на вопросы номинатива всех склонений, а также на вопросы аблатива неопределенного и притяжательного склонений» (с. 28—29).

В. Ф. Рогожина, солидаризируясь с З. К. Ивановой и Г. Н. Валитовым относительно главенства в структурном плане подлежащего над сказуемым, а в семантическом — сказуемого над подлежащим, отмечает, что и сказуемое, и подлежащее участвуют в образовании предикативного центра предложения (с. 31). В этой связи возникают вопросы: если распространённые двукомпонентные предложения взять в потоке речи, всегда ли сообщение нового (рема) принадлежит сказуемому? Можно ли определить семантику подлежащего как назывного?

Завершая обзор указанной главы, следует отметить, что весь анализи-

руемый материал строго систематизирован, выводы не вызывают сомнений. Глава богата ценными сведениями и новой информацией. Структурные типы подлежащего мокшанского языка, взаимоотношения субъекта и подлежащего, механизм выражения однородных подлежащих средствами мордовской грамматической системы анализируются впервые.

Глава «Средства выражения подлежащего» (с. 57—147) самая большая и наиболее теоретизированная часть работы. Для суждения о широте подхода к данной проблеме достаточно привести обозначения ее 11 рубрик: 1) выражение подлежащего существительным (с. 57—79), 2) выражение подлежащего местоимениями (с. 79—94), 3) выражение подлежащего прилагательным (с. 94—108), 4) выражение подлежащего числительными (с. 108—113), 5) выражение подлежащего причастиями (с. 113—119), 6) выражение подлежащего инфинитивом (с. 119—121), 7) выражение подлежащего наречием (с. 122—124), 8) выражение подлежащего междометиями и звукоподражательными словами (с. 125—128), 9) выражение подлежащего фразеологизмами (с. 128—132), 10) выражение подлежащего частицами (с. 133), 11) выражение подлежащего словосочетаниями: а) сочетаниями знаменательных слов (с. 133—143), б) послеложной конструкцией (с. 143—147). Написаны они на основе анализа научной литературы и обширного фактического материала.

Нельзя не согласиться с автором в том, что «в роли подлежащего в мокшанском языке выступают одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные, сложные, парные существительные, а также номинанты, имена действия, существительные вторичного склонения и сопроводительные (комитативные) формы. Семантически самыми разнообразными и наиболее распространёнными в роли подлежащего встречаются сложные существительные с падежнонеоформленными компонентами» (с. 79).

Сущность обобщенной формулировки о местоимениях такова: «в мокшан-

ском языке в роли подлежащего выступают практически местоимения всех разрядов» (с. 94). Выступают ли в роли подлежащего счетно-личные местоимения, имеющие собирательно-ограничительные значения? Среди специфических черт счетно-личных местоимений нельзя не упомянуть наличие посессивных аффиксов, употребление в номинативе.

В. Ф. Рогожина дает обстоятельную характеристику качественных и относительных прилагательных в роли подлежащего. Она обоснованно отмечает, что существительные и субстантивированные прилагательные синтаксически во многом тождественны: и те, и другие являются подлежащими в одних случаях и управляемыми словами — в других (с. 107—108).

По мнению автора, в мокшанском языке в качестве подлежащего могут выступать числительные практически всех разрядов (с. 113).

Относительно причастий В. Ф. Рогожина отмечает, что мокшанские субстантивированные причастия, осложненные лично-притяжательными суффиксами, по своему значению соответствуют не только русским причастиям, но и существительным, главным образом отглагольным, обозначающим лицо по роду его деятельности (с. 118—119).

Давая общую оценку инфинитиву, автор подчеркивает, что он выступает в роли подлежащего тогда, когда является независимым, занимая место перед сказуемым и отделяясь от него паузой (с. 119—121).

Что касается субстантивированных наречий мокшанского языка, то они, по наблюдениям В. Ф. Рогожиной, чаще всего указывают на субъект и в предложении выступают в роли подлежащего (с. 124).

Междометиям и звукоподражательным словам посвящен общий раздел, однако по совокупности признаков следовало выделить их в отдельные лексико-грамматические группы.

На основе анализа большого фактического материала автор приходит к выводу, что подлежащее в мокшанском

языке может выражаться фразеологическими сочетаниями, состоящими в большинстве случаев из двух компонентов (с. 132), частицами *aφ* 'не, нет', *aш* 'не, нет' в указательном склонении и *aш* 'не, нет' в притяжательном склонении с лично-притяжательными суффиксами *-ze*, *-ньке* (с. 133).

В. Ф. Рогожиной проделана кропотливая и скрупулезная работа по изучению подлежащих, выраженных сочетаниями знаменательных слов и послеложной конструкцией (с. 133—147). В мокшанском языке они не были объектом отдельного исследования.

Теоретическую часть работы завершает заключение (с. 148—162), содержащее умело сформулированные выводы.

Интересный иллюстративный материал, несомненно, будет использован при изучении грамматических сходений и расхождений финно-угорских языков.

В работе все же имеются отдельные недочеты (с. 133, 170, 174) и недомолвки, а также спорные положения, побуждающие к дискуссии.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью констатировать, что В. Ф. Рогожина решила многие ключевые вопросы грамматики мокшанского языка, до сих пор остававшиеся мало изученными. Предлагаемые ею решения не вызывают принципиальных возражений. Репрезентация конкретных наблюдений и выводы автора аргументированы и обоснованы. Теоретическая и практическая значимость их несомненна, они могут быть использованы при исследовании грамматических систем родственных языков и найдут применение в преподавании курсов синтаксиса, сравнительной грамматики, сопоставительной типологии, финно-угроведения в вузах Урало-Поволжского историко-географического региона.

Теоретические положения и иллюстративный материал работы могут быть хорошим подспорьем при составлении «Сравнительной грамматики мордовских языков», «Сопоставительной типологии мордовских и русского языков».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)